

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ГЕРОИ
НА УЛИЦАХ
ПЕТЕРБУРГА

ДОМА. СОБЫТИЯ.
АДРЕСА ПЕРСОНАЖЕЙ
ИЗ ЛЮБИМЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Елена Владимировна Первушина Литературные герои на улицах Петербурга. Дома, события, адреса персонажей из любимых произведений русских писателей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26918294

*Е. В. Первушина. Литературные герои на улицах Петербурга. Дома, события, адреса персонажей из любимых произведений русских писателей: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07645-8*

Аннотация

Петербург, будучи столицей Российской империи, не раз становился местом действия русских произведений XVIII, XIX и начала XX века. И не только местом действия. «Блистательный Санкт-Петербург», «великолепная столица», «проклятый город», «город-призрак», «город-фантом», «Петербург Пушкина», «Петербург Достоевского», «Петербург Блока» – это полноправный герой русской литературы. О том, где жили герои любимых произведений, какие события происходили

на петербургских улицах в романах и повестях русских писателей и о том, как менялся образ Петербурга в литературе с ходом лет, расскажет эта книга.

Содержание

Предисловие. Город с тысячей лиц	6
Глава 1. Город-просветитель. Первые петербургские поэты и писатели	14
Цесаревна Наталья Алексеевна и первый российский театр	20
Феофан Прокопович	26
Антиох Кантемир	33
Становление современного русского языка	37
Ломоносов	42
Сумароков	65
Екатерина II – посеявшая ветер и пожавшая бурю	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Елена Первушина
Литературные герои
на улицах Петербурга.
Дома, события,
адреса персонажей из
любимых произведений
русских писателей**

© Первушина Е. В., 2017

© ООО «РТ-СПб», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие. Город с тысячей лиц

Петербург – город с тысячей лиц, город-оборотень. Уже само его появление – на глазах буквально одного поколения, – казалось современникам, а позже и их потомкам, чудом. Помните, как у Пушкина?

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у финских берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева,
Мосты повисли над водами,
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...

В поэме Пушкина «Медный всадник» (а она непременно

станет одной из «главных героинь» этой книги) город возникает как бы ниоткуда, чудом, а точнее, волей его основателя-титана. Наши дети, вероятно, сравнили бы эту картину с компьютерной мультипликацией, как в заставке к сериалу «Игра престолов». На самом деле Петербург, как и все города мира, конечно же, создавался «кровью, потом и слезами». Трудом солдат и рабочих, частью набранных из местных жителей – финнов и ингерманландцев, частью присланных со всех концов страны, как писал Петр в своем указе, «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, помещьев, вотчин всяких чинов людей, с крестьянских и бобыльских дворов». Они рубили лес, забивали сваи, рыли каналы, ломали и обтесывали камень, месили глину и обжигали кирпичи и черепицу, мастерили колеса и чинили телеги, работали в кузницах, в столярных и слесарных мастерских, шили одежду, ткали паруса, плели канаты, варили смолу, жили и умирали в землянках, в болотах, на берегах Невы. Память о них то умирала, то вновь воскресала после того, как при рытье очередного фундамента находили небрежно похороненные в земле кости.

Правда, чаще всего это оказывались кости животных, и рассказы о братских могилах первых строителей Петербурга долгое время считались всего лишь одной из петербургских легенд. И вот совсем недавно, в 2016 году, петербургские археологи нашли первое массовое захоронение первых строителей Петербурга. В трех ямах на Сытнинской улице

в Петроградском районе, недалеко от знаменитого Сытного рынка, обнаружили кости 253 человек, лежащие в братской могиле. Захоронение относится к началу XVIII века. Из личных вещей сохранились только нательные крестики, лапти и поршни. Так одна из петербургских легенд обернулась явью. Правда, две с половиной сотни человек – это не тысячи погибших, но, возможно, это только начало.

Как бы там ни было, а место в устье Невы считалось нечистым, недобрым, проклятым то ли чухонскими шаманами, то ли первой женой Петра, разведенной и насильно постриженной в монахини московской царицей Евдокией Лопухиной. Поэтому в Петербурге родилась еще одна легенда: о том, что город когда-нибудь падет, исчезнет так же волшебным образом, как и появился. Из уст в уста передавались слова матери Елены – той самой царицы Евдокии, жившей теперь в монастыре в Старой Ладоге: «Месту сему быть пусту»... В наводнениях, потрясавших Северную столицу, видели предвестие великого потопа, который навсегда погубит ее.

В стихотворении Михаила Дмитриева «Подводный город», написанном в 1847 году, Петербург уходит под воду, и рыбаки привязывают лодку к шпилью Петропавловского собора. Старый рыбак рассказывает мальчику:

«Видишь шпиль?
Как нас в погоду
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку

Привязали мы к нему?
Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Нынче шпиль от колокольни
Виден из моря один.
Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!
Богатырь его построил;
Топь костями он забутил,
Только с Богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!
В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!
Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря.
Человеку вымещать!
Всё за то, что прочих братьий
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил...»

Мальчик спрашивает, как назывался этот город, но старик не может вспомнить:

«Имя было? Да чужое,
Позабытое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно».

Михаил Дмитриев, гордившийся тем, что происходит «от Рюрика в 28-м колене, а от Мономаха – в 21-м», хозяин очень известного московского литературного салона, неутомимый спорщик и яростный полемист, борец со сторонниками европеизации русской жизни, высказывает то, что было на уме не только москвичей, но и многих петербуржцев, которым, говоря словами одной петербургской частушки, «город Питер все бока повытер».

Эта легенда снова ожила в тревожные годы на рубеже двух столетий – девятнадцатого и двадцатого. Историк, философ и романист, один из «властителей умов и душ» Серебряного века, Дмитрий Мережковский в 1908 году, в статье, которая так и озаглавлена – «Петербургу быть пусто», приводит следующее свидетельство: «Три старых рыбака, живших до основания Петербурга в местах, где возник город, рассказывали в 1721 году, что за тридцать лет перед тем было такое наводнение, что вся страна до Ниеншанца была потоплена и что подобные бедствия повторяются почти каждые пять лет. Поэтому первобытные жители невского побережья никогда не строили там прочных жилищ, но небольшие рыбацьи хижины. Как только, по приметам, ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски складыва-

ли как плоты и привязывали к деревьям; сами же, в ожидании убыли воды, спасались на Дудареву гору» («Петербургская старина», академ. П. Пекарского)». И добавляет: «Веря этим пророчествам, русские люди, насильно загнанные в „Парадиз“, говорили, что здесь жить нельзя, что город будет снесен водой или провалится в трясиину».

Предвестье «конца Петербурга» Мережковский видит то в Первой русской революции, то в новой эпидемии холеры в 1908–1910 годах.

«Петербургское утро, гнилое, сырое и туманное... Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: а что как разлетится этот туман и уйдет кверху – не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизный город, подыметя туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй, для красоты бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?.. Вот они все кидаются и мечутся, а почему знать, может быть, все это чей-нибудь сон? Кто-нибудь вдруг проснется, кому все это грезится, – и все вдруг исчезнет, – грезит Мережковский. – Было, как не было».

Позже многие думали в 1917–1918 годах, что пришли последние дни и Петербурга, и России. Жена и единомышленница Мережковского Зинаида Гиппиус писала в это время свой знаменитый короткий и чеканный реквием городу и стране:

Если гаснет свет – я ничего не вижу.
Если человек зверь – я его ненавижу.
Если человек хуже зверя – я его убиваю.
Если кончена моя Россия – я умираю.

Но мы знаем, что Петербург не погиб и имя его не забылось. Он пережил революцию, Гражданскую войну и блокаду, он не раз менял свое имя и свое обличье. Роскошная императорская столица, город кавалергардов и дам в пышных платьях, балов и парадов, город бедняков, мелких чиновников и рабочих, живущих без надежды на будущее, город студентов и революционеров, верящих в счастье для всех, таинственный, мистический город-призрак Серебряного века, город-колыбель революции и жертва Гражданской войны, город-воин, город-труженик, город-триумфатор.

И одновременно он всегда оставался городом Белых ночей, городом влюбленных и поэтов, городом писателей и философов, стремящихся проникнуть в его тайны. Каждому из своих жителей Петербург показывает свой лик, а иногда и множество различных образов и личин.

В этой книге мы познакомимся с городами, в которых жили знаменитые русские писатели и поэты, и их герои. И хотя города эти разные, порой совсем не похожие друг на друга, имя им всем – Петербург. И, может быть, среди этого множества городов вы узнаете свой Петербург. Тот город, в котором прожили всю жизнь или провели несколько незабываемых дней. А если среди этого множества лиц Петербурга

вы не увидите того, которое знакомо вам, то, возможно, вам захочется рассказать Петербургу и петербуржцам о том, какими видите их вы. Город с тысячей лиц, город-сфинкс, для каждого приготовил свою загадку, свой вызов и свою награду.

Глава 1. Город-просветитель.

Первые петербургские поэты и писатели

Вначале Петербург – город военных и строителей, его положили на маленьком острове близ устья реки Невы как военную крепость, которая должна была защищать только что отвоеванный в сражениях Северной войны выход к Балтийскому морю. Но в 1706 году Петр издал указ, согласно которому знатным московским людям надлежало переселяться в Петербург. Военная крепость начала превращаться в новую столицу, губернатором которой назначен «счастья баловень безродный, полудержавный властелин» – князь Александр Данилович Меншиков. В 1713 году сюда переехал Сенат, позже в новой столице основали Синод и 12 коллегий.

Поэтам XIX века казалось, что новая столица появилась в одночасье во всей своей красе, бросая вызов северной природе. На самом деле город выростал довольно медленно. На карте 1721 года можно увидеть легко узнаваемый силуэт Петропавловской крепости, деревянный Троицкий собор, ряд зданий вдоль набережной Петербургского острова (ныне – Петроградская сторона), Зимний дом и Летний дворец напротив крепости на другом берегу Невы, рядом дом Якова Вилимовича Брюса – руководителя первого в России артил-

лерийского, инженерного и морского училища и, по мнению современников, чернокнижника и масона.

Еще один ряд зданий – на Стрелке Васильевского острова, на другом берегу Невы – звездочка мазанковых еще стен Адмиралтейства (в то время – военной верфи), намеченную пунктиром Невскую перспективу со строящимся Александро-Невским монастырем у конца ее, несколько домов на берегах Мойки и Фонтанки, несколько мельниц на Ново-Адмиралтейском острове в устье Мойки, церковь Святого Сампсония на правом берегу Невы, пеньковые амбары и Морской госпиталь на будущей Выборгской стороне, Смольный монастырь ниже по течению Невы, несколько мельниц на Охте да несколько загородных усадеб на островах. Вот и весь «Парадиз» (Парадизом, то есть раем, любил называть новую столицу Петр).

Поначалу жизнь в городе была очень неудобной, например: для того чтобы потанцевать на балу или побывать на маскараде у того же князя Меншикова, полюбоваться на свадьбы карликов или на то, как пленные шведы и экипажи русских кораблей-победителей проходят через триумфальную арку на Троицкой площади, воздвигнутую в честь победы при Гангуте, или чтобы посмотреть на торжественный спуск на воду очередного корабля Балтийского флота, или просто навестить знакомых, дамам и кавалерам приходилось переправляться через Неву на нанятых лодках, что ветренными осенними вечерами или в дни наводнений становилось смер-

тельно опасным делом.

В 1718 году Петр I издал указ, согласно которому «для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании» было изготовлено большое количество парусных и гребных судов. Их раздали «разных чинов людям», для того чтобы «у всякого оные были вечно, то-есть, ежели какая трата на какие суда придется, повинен он такое ж вновь сделать». Хозяин судна должен был следить за ним: конопатить, смолить, при необходимости чинить такелаж, а «понеже не все еще обыкновенны к плаванью и содержанию оных судов», Петр приказал владельцам «ежевоскресно» являться на учения, а если тот не сможет по какой-то уважительной причине, то присылать вместо себя детей родственников или слуг. Такие маневры Невского флота были одновременно и развлечением (пусть подневольным), и обучением петербуржцев жизни в «Северной Венеции».

Камер-юнкер Берхгольц, сопровождавший в поездке герцога Голштинского, жениха цесаревны Анны, дочери Петра I, описывает одну из таких «экзерциций»: «Утром приехал граф Пушкин и объявил, его величество царь намерен устроить после обеда увеселительные катания на Неве на всех здешних барках и верейках, на которое приказал пригласить и его высочество... Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все ях-

ты, торншхоуты и буеры должны собираться по ту сторону реки, у крепости... Впереди плыл адмирал маленького флота, имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо... Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст... По приезде в Екатерингоф мы вошли в небольшую гавань, в которую едва ли могут свободно пройти два судна рядом. Все общество по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рощицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который, однако ж, порядочно не

садились; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов»... Так «кнутом и пряником» Петр старался сделать из петербуржцев бравых мореходов.

Не менее серьезным испытанием становились новомодные ассамблеи, которые устраивал Петр I в Летнем саду. Конечно, на фонтаны и различные «затеи» – грот с водяным органом, зеленый лабиринт, птичий двор, оранжереи, «зверовой двор» с заморскими животными и т. д. – стоило посмотреть, общение с первыми людьми государства могло оказаться полезным, а заморские танцы разгоняли кровь и заставляли предаваться разного рода приятным мечтаниям. Но император был хозяином «с причудами», если ему случалось уехать с ассамблеи по каким-то государственным делам, то он мог приказать... запереть ворота Летнего сада и не выпускать гостей, так что тем приходилось часами ждать возвращения монарха, даже под проливным дождем. Вернувшись же в хорошем настроении, Петр принимался потчевать гостей крепким шнапсом, не давая поблажки даже женщинам. Одним словом – развлечение на первых Петербургских ассамблеях – тяжелая, а порой опасная работа.

Трудно было вести домашнее хозяйство – вездесущая вода затопляла погреба, и продукты портились, а достать новые нелегко: город пока еще почти ничего не производил, вокруг него было мало деревень, которые могли «кормить» его, и все продукты приходилось привозить из Москвы или

из других мест.

Но петербуржцы все же обживали свой город и превращали его не только в политическую и военную, но и в культурную столицу. Одним из поразительных «европейских новшеств», заведенных здесь, стал – театр.

Цесаревна Наталья Алексеевна и первый российский театр

Младшая сестра Петра, царевна Наталья Алексеевна, вероятно, помнила рассказы о необыкновенном развлечении, которое в 1672 году устроил в своей главной резиденции, подмосковном селе Преображенском, ее отец – царь Алексей Михайлович – для ее матери, молодой красавицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Чтобы удивить и порадовать молодую жену, царь предложил ей европейское развлечение – театр. Автором пьесы и режиссером стал проживавший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал более шестидесяти подростков – детей служилых и торговых иноземцев – и обучил их театральной науке.

Пьеса «Эсфирь, или Артаксерксово действо», была рассчитана на десять часов игры, но царь смотрел все, не сходя с места. И немудрено: некоторые монологи пьесы звучали, как страстное признание в любви Наталье Кирилловне. В реальной жизни такие пылкие слова были неуместны для его царственной особы, но театральное действо позволило царю озвучить свои чувства, хотя бы и не своими устами. Московские бояре тоже, вероятно, были удивлены, услышав со сцены такие слова:

О живота моего утешение

И сердца моего услаждение!
Скорь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъявити,
Како ты души моего сердца имам любити!

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья Алексеевна решила организовать свой театр. Петр поддержал ее, приказав передать Наталье «комедияльное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенных несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами стали приближенные и слуги. В репертуаре были инсценировки житий святых и пьесы на сюжет переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обитатели Измайлова.

Цесаревна Наталья Алексеевна

В 1708 году Наталья Алексеевна приехала в Петербург вместе со всем императорским семейством. Ей отвели усадьбу на Крестовском острове. Через шесть лет она перебралась в новый дворец, на левый берег Невы, где возводились Литейный и Шпалерный дворы. Здесь уже начала строить дома петербургская знать.

В Петербурге Наталья Алексеевна немедленно «взялась за старое» – устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики. Петербургский театр пока оставался любительским. Под него приспособили большой деревянный дом, находящийся рядом с дворцом царевны (ныне это угол Сергиевской улицы и Вознесенского проспекта). В театре играли десять актеров и актрис, был также оркестр из шестнадцати музыкантов.

На сцене театра поставили пьесы – «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драму «Действие о Петре Златые ключи», которая рассказывала о пользе заграничных путешествий для молодых людей, желающих прославиться.

Герой пьесы, сын знатного француза, Петр, страстно желающий поехать в «иные царства», обращается к своему отцу с такой речью:

Намерен я, государь, о том вас просити,
Чтоб в иные царства от вас мне отбыти,
Где могу кавалерских дел я обучаться,
И народов чужих нравов насмотряся...

Где поживши немного и к вам возвращуся, —
И себе многу славу могу заслужити,
Так что все царство будет меня чтити...

Но не только страсть к наукам одолевает героя. Петр и его возлюбленная Магилена наслаждались «речами любительскими», «милым друг на друга зрением» и «великим веселием». «Действие о Петре...» представило один из первых любовных романов, с которыми познакомилась русская публика.

Большой популярностью пользовались сатирические интермедии, высмеивавшие страхи ретроградов, но одновременно распутство и мздоимство молодых петербургских чиновников.

Невозможно точно установить, как велика была доля авторства Натальи Алексеевны в создании этих текстов. Возможно, она что-то переводила с иностранных языков, возможно, что-то сочиняла сама, возможно, в написании принимали участие другие члены труппы. В любом случае, театр жил и действовал, удивляя публику новым, невиданным развлечением.

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго. Болезнь унесла ее в 1716 году. После смерти царевны более 200 томов из ее личной библиотеки (очень значительное собрание по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, театральную же ее часть отослали в Санкт-Петербург-

скую типографию.

Феофан Прокопович

Если Наталью Алексеевну, с некоторыми оговорками, можно назвать первой петербургской писательницей, то на звание первого писателя претендует Феофан Прокопович, уроженец города Киева. Выходец из небогатой купеческой семьи, он учился в Киевско-Могилянской духовной академии, затем уехал за границу, изучал философию, историю, языки и литературу в Италии. Вернувшись в Россию, принял монашеский сан, преподавал в академии поэтику, риторику, богословие, а затем и математику с физикой. В Киеве же он пишет трагедию «Владимир». Одновременно Феофан сочиняет весьма игривые стихи на латыни, подражая поэтам итальянского Возрождения («Песнь светская», «Шутка о Венере»).

В библиотеке Феофана насчитывалось до пятнадцати тысяч книг на разных языках. Современник-иностранец (датчанин фон Гавен) писал о Феофане: «Этот превосходный человек по знаниям своим не имеет себе почти никого равного, особенно между русскими духовными. Кроме истории, богословия и философии, он имеет глубокие сведения в математике и огромную любовь к этой науке. Он знает ряд европейских языков, из которых на двух говорит, хотя в России не хочет употреблять никакого, кроме русского, – и только в крайних случаях говорит на латинском, в знании которого

не уступит любому академику».

Образованнейший человек, великолепный оратор и педагог, Феофан вскоре обратил на себя внимание Петра I. Побывав в Киеве в 1706 году, монарх слушал речи Феофана и взял молодого проповедника в свою свиту. Феофан участвовал вместе с государем в Прутском походе, а в 1716 году приехал в Петербург, где сделался фактическим руководителем всех церковных дел.

Феофан Прокопович

В 1721 году в Петербурге на своем подворье на берегу реки Карповки, напротив Аптекарского огорода, в окружении елового леса, Феофан открыл школу для бедных сирот и составил для своих учеников букварь «Первое учение отрока», позже выдержавший 11 изданий. В школе преподавали Закон Божий, славянское чтение, русский, латинский и греческий языки, грамматику, риторику, логику, римские древности, арифметику, геометрию, географию, историю, рисование, пение, а для развлечения учеников устраивали постановки пьес. По вечерам на подворье собирались петербургские интеллектуалы. Первый биограф Прокоповича (вероятно, академик Готлиб Байер) сравнивал собрания у отца Феофана с симпозиумами греческих философов. Так дом Прокоповича стал, по сути, первым петербургским салоном.

Феофан Прокопович глубоко проникся идеями Просвещения, писатель, поэт для него были, прежде всего, людьми полезными своему государству и государю, которые должны были всеми силами своими прославлять идеалы, привлекать к ним человеческие души. И ему не пришлось далеко ходить в поисках своего идеала. Конечно же, им стал Петр I – просвещенный монарх, благодетель своего народа. В своей поэме «Епиникион» (от греческого слова «восхваление») Феофан прославляет Петра и проклиная изменника-Мазепу.

Победихом! Падесея супостат наш лютый,
И отступник приять казнь, отчества враг велий,

Ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбедно здравие видеть, со собою.
Ныне и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испускает,
И лице краснейшее цвет полный являет.

В проникнутом патриотизмом стихотворении «За Могилу Рябою» описана кровопролитная битва с турками у реки Прут, близ селения Рябая Могила, в 1711 году, во время Прутского похода Петра I.

Всю ночь стуки, всю ночь крики,
Всю ночь огонь превеликий,
Во всю ночь там Марс шел дикий.

<...>

Не судил Бог христианство
Освободить от поганства,
Еще не дал сбить поганство.
Магомете, Христов враже,
Да что дальше час покаже
Кто от чьих рук поляже...

А в стихотворении «Плачет пастушок в долгом ненастье», написанном в 1730 году, звучат скорбь из-за кончины Петра I и тревога человека, не знающего, что готовит ему будущее:

Дрожу под дубом;

Крайним голодом овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом исчезают.

<...>

Потщися, Боже, нас свободити от печали,
Наши нас деда к тебе вопити научали!

Прокопович произносил поминальную речь на похоронах Петра I, в которой сказал: «Кого бо мы, и какового, и коликого лишились? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе мог явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же восстающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел». Он вспоминает «новый в свете флот», «путь во вся концы земли» и «многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства». И завершает речь такими словами: «Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе!».

С 1725 года Феофан получил сан архиепископа Новгород-

ского и закончил свою жизнь в славе и почете, скончался 8 сентября 1736 года и похоронен в Софийском соборе Новгорода.

Антиох Кантемир

Парадоксальным образом одним из первых поэтов, в стихах которого появляется образ новой столицы, стал москвич Антиох Кантемир. Младший сын молдавского господаря (правителя) Дмитрия Константиновича, родившийся в Константинополе, он вместе с семьей переехал в Россию в 1711 году. Антиох учился дома, затем отшлифовал свои знания в Славяно-греко-латинской академии и Академии наук.

Антиох Кантемир

Антиох поддержал Анну Иоанновну в ее восхождении на

престол, после отправился послом в Лондон. Он скончался 31 марта (11 апреля) 1744 года в Париже, где провел последние годы жизни, и был погребен в московском Никольском греческом монастыре.

В своей поэме «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, Императора Всероссийского» Кантемир дает панораму любимого детища Петра.

Земля тая, бывшая в долзе у соседах
Подвластна, – на ней же Петр град новый сзидати
Когда начал, и свершил так, что устрашати
Прежде видом сей зачал, неж вести успели
Прийти в мир, что россияцы в Ингрии засели.
Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды берега подмывают
Северных царств, Балтицко древни называют.
Над бреги реки всходят искусством иреславным
Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего устрашиться:
Шестибочная крепость, в воде водруженна,
Не боится усильства Марса воруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим.
Тут рукой трудился Петр и умом острейшим;
Обонпол искусные древоделов руки
Производят сильные врагам нашим муки,
Растут суды всех родов, и флот, уже страшный

Многим, творят что дневно наипаче ужасный.
Оттоль вверх, в приму черту, вельмож непресечны
Пространны зрятся дворы; где же скоротечны
Вторицей в граде струи Нева искривляет,
Деляся в два рамена, тут Петр обитает:
Не пространно жилище, довольно и покою —
Что внешна пышность тому, кто велик душою?

Становление современного русского языка

Вам не показались странными и непривычными стихи Натальи Алексеевны и Феофана Прокоповича? Их смысл вроде бы и понятен, и все же они написаны «словно не по-русски». Порой кажется, что перед нами разноязычный палимпсест. Особенно это заметно в приведенных отрывках из стихов Феофана Прокоповича «За Могилою Рябою», где отсылка к древнеримскому богу войны Марсу, которая должна была подчеркнуть европейскую образованность автора, соседствует с откровенными архаизмами и славянизмами («Магомете, Христов враже» – звательный падеж, встречающийся во многих славянских языках, в том числе и в древнерусском, но не употребляемый в живой русской речи уже с XVI века).

Дело в том, что в начале XVIII века русский язык переживал серьезные изменения. Да и как могло быть иначе? Менялась сама реальность, повседневная жизнь русского человека, особенно человека знатного и образованного. В ней появлялись новые реалии, которых не было прежде в русском быте, а они требовали и нового языка.

Сам император активно принимал участие в формировании нового языка своих подданных. Вот, например, он в одном из своих указов объясняет петербуржцам, что та-

кое ассамблея. «„Ассамблея“ – слово французское, – пишет Петр, – которое на русском языке одним словом выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела; ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается; притом же и забава». А дальше он подробно предписывает, «каким образом оныя ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет».

Желающие принять участие в ассамблее дамы и кавалеры должны были освоить целый ряд новых понятий, таких как «политес» (правила вежливости), «роба» (верхнее платье), «фижмы», «корсет», «шлейф», «парик», «мушка», «веер», «махаться» (подавать знаки веером), «пудра» (для мужских волос), «менуэт», «полонез», «контрданс», «кадриль», «иллюминация», «фейерверк» и т. д. Все эти слова привели бы в полное недоумение дедушек танцоров, а отцов заставили бы с болью в сердце подозревать, что их дети чересчур увлеклись «бесовским верчением». И это всего лишь одна, далеко не самая значительная сторона нового образа жизни. А сколько новых слов предстояло выучить военным или купцам!

Какое-то время россиянам, возможно, казалось, что язык их отцов и дедов погибнет от засилья иностранных слов. Сам Петр написал одному из своих посланников: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие ино-

странные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Забавно, однако, что в этой суровой отповеди монарх употребляет слово «реляция», пришедшее из латинского языка, вместо исконно русского слова «донесение».

Да, избавиться от привычки заимствовать иностранные слова было не так просто, а порой и невозможно. По Петербургу в начале XVIII века ходил анекдот о переводчике, которому поручили перевести французскую книгу по садоводству. Бедняга промучился некоторое время и в конце концов покончил жизнь самоубийством, отчаявшись передать французские понятия по-русски.

Анекдот остается анекдотом, но вот подлинный текст из дневника В. И. Куракина, хорошо показывающий, какая «речевая каша» порой «варилась» в головах русских людей. Он пишет об одном из своих заграничных романов: «В ту свою бытность в Италии был инаморат [inamorato – ит. влюблен] в славную хорошеством одною читадинку [cittadino – ит. гражданка]... и так был inamorato, что не мог ни часу без нее быти... и взял на меморию [in memorio – лат. на память] ее персону [портрет]».

Другая большая перемена, которая ждала русский язык в ту эпоху, – это его разрыв с церковнославянским языком. Некоторые «церковнославянские реликты» мы можем найти

в стихах Феофана Прокоповича, что неудивительно, ведь он сам принадлежал к духовному сословию. Но в целом язык Петровской эпохи становился все более светским. Церковь законсервировала старинный, еще средневековый лексикон и грамматику, и постепенно тексты молитв стали загадочны и непонятны для мирян. В начале XX века маленький мальчик Алеша Пешков будет с недоумением повторять слова молитвы «Отче наш» «Яко же и мы оставляем должникам нашим», переиначивая это непонятное «яко же» на свой лад: «Яков же», «Я в коже». Этот процесс расхождения церковного и светского языков начался именно тогда, в начале XVIII века, что, разумеется, еще усилило отчуждение языка и культуры дворянства от своих корней. Веком позже Чацкий в комедии Грибоедова «Горе от ума» будет жаловаться на то, что «французик из Бордо» чувствует себя в московских гостиных как дома, он говорит с гостями на одном языке (естественно, французском), а он, Чацкий, настоящий патриот, здесь всем чужой:

Пускай меня объявят старовером,
Но хуже для меня наш север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую.

Понадобилось больше века работы таких российских литераторов, как Ломоносов, Сумароков, Державин, Гнедич,

Жуковский, Грибоедов и, наконец, Пушкин, чтобы русский язык переварил «иностранную прививку», нашел должное место для архаизмов и вновь обрел ту легкость, гибкость, певучесть и кристальную ясность, которой мы наслаждаемся и по сей день.

Ломоносов

Одним из создателей нового литературного языка стал сын рыбака-помора, будущий академик Михаил Васильевич Ломоносов.

Историк литературы Григорий Александрович Гуковский писал о Ломоносове: «Ему принадлежит честь быть первым писателем, упорядочившим языковое хозяйство русской культуры после петровского переворота, и он был первым в ряду организаторов правильной русской речи, подготовивших великое дело Пушкина, создателя современного литературного русского языка».

Новый язык был зафиксирован Ломоносовым в статье «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», а также в двух книгах – «Риторика» (1748) и «Российская грамматика» (1757), давших первое научное описание живого русского языка XVIII века.

«Труд Ломоносова полагал конец безграничному разнообразию, разброду языковых форм, пестривших языковую практику начала XVIII века, – пишет Гуковский. – Он вводил в литературную и даже разговорную практику грамотного населения принцип организованности, правильности речи, известную нормализацию ее, хотя сам Ломоносов и не придумывал никаких правил языка, а стремился в своем труде к установлению законов русской речи, такой, какой он ее знал, потому что он, по его словам, „с малолетства познал общий российский и славянский язык, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочел почти все древне-славяно-моравским языком сочиненные и в церкви употребленные книги“. Сверх того, довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и простым народом».

Сам Ломоносов полемизировал с проповедником Гедеоном Гриновским, который утверждал с кафедры: «Ежели бы я хотел вам здесь описать, сколько вреда произошло от таких, которые подчинять смели слово Божие какой-нибудь науке или искусству и изобретениям человеческого разума, пространное бы и страшное открыл позорище», – и советовал молодым священникам, чтоб риторика «не была повелительницею, но совершенно служительницею».

Ломоносов написал в ответ язвительную эпиграмму, в ко-

торой защищал изучение родного языка и риторики – искусства произносить речи. Обращаясь к некоему вымышленному попу Пахомию (под которым подразумевается Гриновский), Ломоносов пишет:

Пахомей говорит, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совесть будь готова.
Ты будешь казнодей¹, лишь только стань попом
И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом.
Начто риторику совсем пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь...
<...>
Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст!
Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.
Нам слово божие чувствительно, любезно,
И лишь во рте твоём бессильно, бесполезно.
Нравоучением преславной Телемак
Стократ полезнее твоих нескладных врак.

В последних строках имеется в виду весьма популярный в XVIII веке дидактический роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), пропагандировавший в том числе и идеи Просвещения.

В своем учебнике «Риторика» (1748) Ломоносов напоминает своим читателям, что необходимо всеми способами обогащать речь, стремиться к «речевому изобилию», к пыш-

¹ То есть проповедник.

ности и одновременно изяществу. Он дает практические советы, как создавать «предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом, и тем составляют нечто важное и приятное». Не все современники были с ним согласны. Например, Александр Петрович Сумароков (о нем речь пойдет в следующей подглаве) писал в свое время: «Многие читатели, да и сами некоторые лирические стихотворцы рассуждают так, что никак невозможно, чтобы была ода и великолепна, и ясна; по моему мнению, пропади такое великолепие, в котором нет ясности». А в другой раз в своей статье, «К типографским наборщикам», высказался еще резче: «Языка ломать не надлежит; лучше суровое (т. е. простое, грубое. – *Е. П.*) произношение, нежели странное словосоставление».

Примером «чрезъестественного сопряжения» является начало «Слова похвального... Елизавете Петровне... на торжественный день восшествия ея величества на всероссийский престол» (1749). Оно звучит так:

«Если бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в который под благословенною державою всемилостивейшия государыни нашея покоящиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном ея на всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространного ея владычества,

и слышать от восходящего до заходящего солнца беспрерывно простирающиеся восклицания и воздух наполняющие именованьем Елисаветы, – коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось! Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градах, крепче миром нежели стенами огражденных, в селах, плодородием благословенных, при морях, военной бури и шума свободных, на реках, изобилием протекающих между веселящимися берегами, в полях, довольством и безопасностью украшенных, на горах, верхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками, едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею самодержницею хвалятся».

От этих сложных и тяжеловесных фраз захватывает дух – и буквально: их сложно произнести на одном дыхании, но и в переносном смысле: от открывающейся перспективы. Автор заставляет наше воображение подняться высоко и увидеть просторы российского государства – от горизонта до горизонта.

Другой пример – два стихотворения Ломоносова: «Утреннее размышление о божием величестве» и «Вечернее размышление о божием величестве».

В первом он пишет:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к Солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

А вечером поэт видит, как

...Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна:
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

И размышляет о том, что

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

И снова от строк исходит явственное и зримое ощущение величия, которое захватывает и поражает читателя.

Но Ломоносов умел видеть и малое, а его стих мог быть легким и подвижным, поистине прыгучим, как в этом стихотворении о кузнечике.

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен!
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен;
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но самой истинной ты перед ними царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен,
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Ломоносов поделил слова русского языка на три группы. Первая – слова, общие для церковнославянского и русского языков, такие как: Бог, слава, рука, ныне, почитаю. Ко второй «принадлежат слова, кои хотя еще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, которой, пока, лишь», то есть хорошо знакомые нам и прочно занявшие место в современном русском языке, чисто русские слова, не имеющие связи с церковнославянским языком.

Далее Ломоносов пишет: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственной и низкой. Первой составляется из речений славено-российских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществу-

ет российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великой осторожностью, чтоб слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли, в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, еклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских общепотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут

иметь в них место по рассмотрению».

Таким образом, Ломоносов, в числе прочего, выделил живой разговорный язык – «дружеские письма, описания обыкновенных дел» – и подчеркнул, что этому языку противопоставлена нарочитая возвышенность и стремление «говорить красиво», употребляя устаревшие церковнославянские слова. (Два века спустя Михаил Булгаков добьется яркого комического эффекта, когда в своей пьесе «Иван Васильевич» заставит режиссера Якина объясняться с Иваном Грозным на языке, который режиссер полагает церковнославянским. Помните: «Паки, паки, иже херувимы... Ваше величество, смилуйтесь!»... На что Иван Грозный отвечает: «Покайся, любострастный прыщ, преклони скверну твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни!». Вполне возможно, что эта сцена показалась бы смешной еще во времена Ломоносова.)

Ломоносов оставляет церковнославянскому языку оды, героические поэмы и торжественные речи. Век спустя Пушкину станет тесно в этих рамках, и он будет жаловаться:

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венки убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать!
И все одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:

Довольно, пойте о другом!».
– Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал
И мысль мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? – Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,
Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...»
– Одни торжественные оды!
И, полно, друг: не все ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
<...>
«Но все в элегии ничтожно,
Пустая цель ее жалка,
Зато цель оды высока
И благородна»... Тут бы можно
Поспорить с ним, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.

Но пока новый век еще не наступил, и это разделение кажется весьма разумным. Ломоносов знает, что многие славянизмы уже вошли в русский язык, слились с ним, и он принимает и ассимилирует их с русской речью. Он выступает только против искусственной насильственной архаизации речи, как повседневной, разговорной, так и литературной. Он не хочет любой ценой держаться за отмирающие слова, такие как «обаваю» (очаровываю), «рясны» (ожерелье),

«овогда» (иногда), «свене» (кроме), когда в обиходе уже появились их аналоги.

В то же время Михаил Васильевич отнюдь не избегал высокого стиля. Оды Ломоносова² помогали ему поддерживать хорошие отношения с «сильными мира сего» и продвигать свои открытия и разработки, а также труды своих коллег по Академии. Ода Ломоносова была всегда большой декларацией, отражением его чаяний и стремлений как гражданина и ученого. Слава и польза России – вот главная тема одического, да и вообще почти всего поэтического творчества Ломоносова.

* * *

Ради славы и пользы Отечества Ломоносов трудился, ради нее совершал свои открытия, а открытий было немало. Уже в конце своей жизни Ломоносов написал: «Я к сему себя по-

² «Всеподданнейшее поздравление для восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения Ея Величества декабря 18 1741, Всеподданнейше представлено от Императорской Академии Наук», «Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня», «Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации», «Ода на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года» и др. – *Здесь и далее примеч. автора.*

святил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял я за них смолоду, на старость не покину».

Ломоносов работал в области всех известных в его время наук: философии, физики, химии, металлургии, географии, биологии, астрономии, филологии. И почти в каждой выступал не только как просветитель, который стремится познания «пересадить на русскую почву», но и как исследователь, делающий открытия мирового значения. Мало того: верный духу петровских времен, он стремился по возможности извлечь из каждого научного открытия практическую пользу. И стараясь сообщить меценатам о своей новой работе и о выгодах, которые она сулит, Ломоносов прибегал к поэзии.

Приведу только один пример. В 1752 году Ломоносов сочиняет «Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу-порутчику, действительному ея императорскаго величества каммергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла, Святаго Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову».

Предыстория этого послания такова. В 1752 году Михаил Васильевич представил в Сенат прошение: «Желаю я, низайший, к пользе и славе Российской империи завести фабрику для делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, что еще поныне в России не делают, а привозят из-за моря великое количество ценою на

МНОГИЕ ТЫСЯЧИ».

И. И. Шувалов

Устройство мозаичной фабрики и стекольного завода было одобрено Сенатом, и покровитель Ломоносова Иван Иванович Шувалов помог Ломоносову представить этот проект императрице Елизавете и получил в подарок мызу Усть-Рудицы вместе с деревнями Шишкиной, Калищами, Перкули и Липовой (ныне – Ломоносовский район Ленинградской области, в 11 км от станции Лебяжье).

Так возникла усть-рудицкая «фабрика делания разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких галантерейных вещей и уборов».

Именно тогда Ломоносов и пишет стихотворное послание Шувалову, в котором не только рассказывает о производстве и применении стекла: оконных стекол, стеклянной посуды, линз для телескопов («Во зрительных трубах Стекло являло нам, колико дал Творец пространство небесам») и микроскопов («Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит, Нас малый червь частей сложением дивит»), но и рекламирует продукцию строящейся фабрики – цветное стекло для мозаик:

Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся;

бисер и стеклярус для отделки женских платьев и украшений:

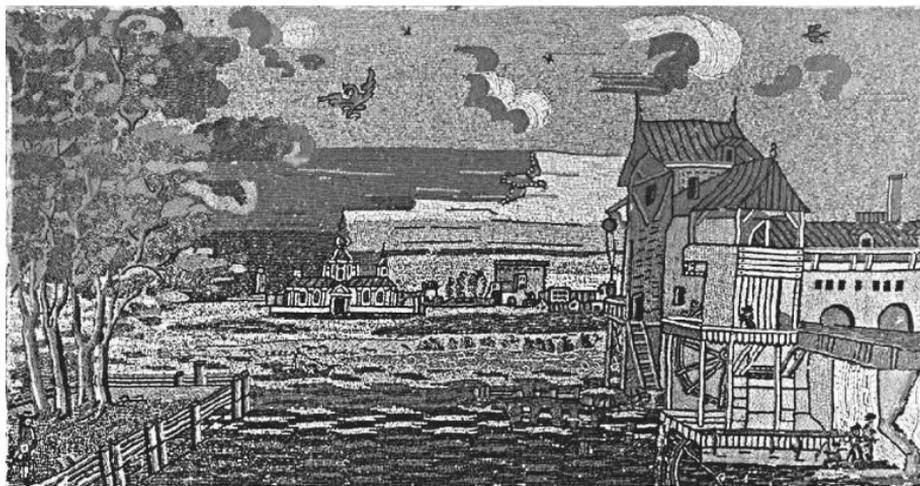
Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.

<...>

Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребля.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубья заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены:
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росю.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,

Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другая времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вокруг глубокими белеют?
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блестящий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Бисерное панно с видом фабрики

Для строительства фабрики в Усть-Рудице были организованы кирпичный завод и лесопильная мельница. На мель-

нице располагались три водяных колеса, одно из них пилило бревно, второе предназначалось для шлифовки стекла, на третьем мололи муку для фабричных рабочих. Вскоре на берегах Рудицы вырос маленький городок, где жили рабочие фабрики. Рядом находилась усадьба, где жил Ломоносов со своей семьей: одноэтажный дом с мезонином и двумя флигелями – над одним возвышалась «самопишущая обсерватория», то есть метеорологическая станция для наблюдений за погодой и исследований атмосферного электричества. К дому примыкали прямоугольный участок регулярного сада и огорода, поварня, людская, черная изба, погреб, баня, хлев, конюшни.

Мозаичный портрет Петра I

Первым заказом, который предстояло выполнить, стало разноцветное стекло для мозаичного портрета Петра I, который позже преподнесли императрице Елизавете. В начале 1755 года фабрика выпускала синее, бирюзовое и белое стекло для разноцветной посуды, бисер и стеклярус для украшений, выдувные фигуры для украшения садов, а также «кружки с крышками бирюзовые, блюдечки конфетные бирюзовые и синие, чарки белые и бирюзовые, чернильницы, песочницы, стаканы, штофы, чашки, нюхательницы, подносы».

Позже фабрика стала изготавливать «разноцветные мозаичные составы» для работ по украшению комнат в новом Китайском дворце великой княгини Екатерины Алексеевны, который как раз строился в Ораниенбауме. Одна из комнат этого дворца – Стеклярусный кабинет – была отделана мозаиками и стеклярусом: крупным бисером в виде трубочек, который нанизывался на прочные нити и употреблялся в виде драпировок.

В июле 1764 года Ломоносов писал Григорию Григорьевичу Орлову:

Я зрю здесь в радости довольствий общих вид.
Где Рудица, выучись сквозь камень журчит.
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения геройских славных дел,

Что долг к отечеству изобразить велел.
Где Дщерь Петрова мне щедротною рукою
Награду воздала между трудов к покою.

Фабрика работала до самой смерти Ломоносова, ее закрыли в 1768 году. Усть-Рудица перешла к другим владельцам, здания фабрики разобрали, потом разрушилось и здание усадьбы. Теперь Усть-Рудице присвоен статус «упраздненная деревня». Фундаменты построек заросли кустарником, каменная плита рассказывает случайным путникам о том, что было здесь когда-то, но лишь стихи ее хозяина способны оживить старую усадьбу, показать, чем она была в XVIII веке и почему достойна остаться в нашей памяти. В этом одна из важнейших функций литературы – не давать нам забыть не только факты, но и те чувства, которые эти факты когда-то будили в людях.

Сумароков

На одной из парадных невских набережных Васильевского острова до сих пор стоит двухэтажное здание, от которого так и веет стариной. Петербуржцам оно известно как дворец Меншикова (современный адрес – Университетская наб., 15). Трехэтажный каменный дворец некогда был самым высоким и самым роскошным зданием молодой столицы. После смерти Петра I Меншиков, опираясь на гвардию, посадил на престол Екатерину I и стал фактическим правителем России. Ему удалось добиться от вдовы Петра согласия на брак великого князя Петра Алексеевича (будущего Петра II) и своей дочери Марии. Но когда Екатерина умерла (а это случилось очень скоро – в мае 1727 года), юный Петр II, подпавший под влияние боярского рода Долгоруких, расторг помолвку с Марией Меншиковой. Вскоре князь был посажен под домашний арест, а позже сослан в Реннбург и оттуда в сибирский город Березов, где и умер спустя полтора года.

В 1731 году по приказу Анны Иоанновны архитектор Доменико Трезини перестроил бывший дворец Меншикова для его нового хозяина – Сухопутного шляхетского корпуса (позже переименованного в Кадетский корпус). Для него на том же участке построили новые здания (ныне – дома № 1, 3, 5 по Кадетской линии). В высочайшем указе, подписанном

императрицей Анной Иоанновной, говорилось: «Хотя вседостойнейшей памяти дядя наш государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие российское действия свои всему свету храбростью и искусством показало... и воинское дело поныне еще в настоящем добром порядке содержится, однако ж, чтобы такое славное и государству зело потребное дело наивяще в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18 лет». Первым директором корпуса стал Бурхард Кристоф Миних – уроженец Ольденбурга, военный инженер, один из сподвижников Петра I, позже служивший Анне Иоанновне.

Шляхтой в Польше и России в XVIII веке называли дворянство. В Шляхетском корпусе учились недоросли (юные дворянские сынки), будущие военные и государственные чиновники. Поступление в корпус становилось для них началом хорошей карьеры, но карьеру не подносили на блюдечке. Учиться было нелегко, вставали в пять часов утра, молились и завтракали, а уже в шесть уходили в классы. С 10 до 12 часов занимались строевой подготовкой, или, как говорили тогда, «солдатскими экзерциями», в полдень обедали, с 14.00 до 16.00 – опять шли на уроки, с 17.00 до 18.00 – снова построение, в 20.30 – ужинали, а в 21.00 – ложились

спать. В программу входили уроки математики, истории и географии, артиллерии, фортификации, фехтования, верховой езды и «прочих к воинскому искусству потребных наук», а также немецкого, французского и латинского (для желающих после обучения заниматься науками) языков, чистописания, грамматики, риторики, рисования, танцев, морали и геральдики.

Обучение начиналось по большей части с 5–6 лет, в 16 лет юношам предстояло выбрать военную или гражданскую карьеру, а выходили они из корпуса, когда им исполнялся 21 год. Воспитание, которое получали в корпусе, значительно отличалось от того, которое было принято в школах, созданных при Петре I, где делали акцент на практических дисциплинах: навигации, артиллерии, инженерных науках. В корпусе же много времени уделялось гуманитарным дисциплинам: языкам и литературе, ученики ставили спектакли, изучали музыку, танцы. Такой «уклон» образования был связан, прежде всего, с тем, что в 1766 году шефом корпуса стал Иван Иванович Бецкий – внебрачный сын генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, блестяще образованный человек, обучавшийся в свое время в Кадетском корпусе в Дании, затем долгие годы живший в Париже. Когда Бецкий вернулся в Россию, Екатерина II приблизила его к себе, его назначают Президентом Академии художеств, при которой он устроил воспитательное училище, позже стал организатором и главным попечителем «воспитательного об-

щества благородных девиц» (Смольный институт). Возглавив Сухопутный шляхетский кадетский корпус, Бецкий составил для него новый устав.

А. П. Сумароков

По словам русского дипломата Семена Романовича Во-

ронцова, «офицеры, выходявшие из старого кадетского корпуса, были хорошие военные и только. Воспитанные же Бецким играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен был знать офицер». Однако Воронцову нельзя верить безоговорочно. Традиции гуманитарного образования закрепились в корпусе задолго до того, как его директором стал Бецкий. Сын генерала Петра Сумарокова, 14-летний Александр Петрович Сумароков, поступил в корпус в 1732 году, то есть за 30 лет до появления там Бецкого. Однако и в ту пору кадеты участвовали в исполнении массовых сцен в итальянской опере; их обучал балетному искусству балетмейстер Ланде, основатель школы танца. Позже они преподнесли императрице Анне Иоанновне сочиненное в ее честь стихотворение. Озаглавлено оно было так: «Ее императорскому величеству, всемилостивейшей государыне Анне Ивановне, самодержице всероссийской поздравительные оды в первый день нового 1740 года от Кадетского корпуса, сочиненные чрез Александра Сумарокова».

Еще позже, в 1759 году, группа офицеров корпуса начала издавать журнал под названием «Праздное время в пользу употребленное». В этом журнале печатался и Сумароков, не порвавший связей с корпусом после окончания его в 1740 году, когда его зачислили на службу в военно-походную канцелярию графа Миниха, а позже он служил адъютантом у графа Разумовского.

Однокашниками Сумарокова были будущий поэт Миха-

ил Матвеевич Херасков, Иван Перфильевич Елагин, также ставший поэтом и государственным деятелем, Адам Васильевич Олсуфьев – будущий статс-секретарь императрицы Екатерины II, меценат и покровитель театра, Андрей Андреевич Нартов, сын «царева токаря», будущий драматург, переводчик и журналист, греки Петр Иванович и Иван Иванович Мелиссино, два брата, один из которых стал генералом от артиллерии, а второй – директором Московского университета, и другие будущие выдающиеся деятели культуры второй половины XVIII века. Еще один современник Сумарокова – Ломоносов, они дружили с юности и выступали единым фронтом в литературных спорах. Хотя в конце жизни Сумароков упрекает своего старого товарища, а точнее, его хвалителей, восхищавшихся «громкими одами» Ломоносова: «Словогромкая ода к чести автора служить не может; да сие же изъяснение значит галиматию, а не великолепие» («Некоторые строфы двух авторов», 1774).

В корпусе юному Александру внушили представление о достоинстве дворянина – человека, рожденного для служения Отечеству, чести, культуре, добродетели. Те двадцать лет, которые он прожил в Петербурге, были наполнены служением «на благо Отечества» так, как его понимал Сумароков.

Позже в своем стихотворении «Сатира о благородстве», то есть о дворянстве, он напишет:

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам,
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком;
А если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет;
Господский также сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать,
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги...

При всем при этом он оставался последовательным сторонником крепостного права. Екатерина, игравшая с мыслью об освобождении крестьян, в 1766 году предложила Вольно-экономическому обществу объявить конкурс на сочинение на тему владения крестьянами. Сумароков, не будучи даже членом общества, тут же послал ему свой протест. Он писал, что каждому понятно: крестьянам лучше быть

свободными, а дворянам лучше, чтобы они оставались в крепости, так же как канарейке, забавляющей хозяина, лучше быть на воле, а не в клетке, или собаке, стерегущей дом, лучше быть не на цепи: «Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина». Разница между этими вполне естественными желаниями, по мнению Сумарокова, заключается в том, что интересы дворянства совпадают с интересами государства. Сумароков резюмирует: «свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».

* * *

В 1747 году Сумароков издал свою первую трагедию «Хорев», в следующем году новую трагедию – «Гамлет». «Наверное, Сумароков перевел Шекспира!» – решите вы. И ошибетесь. У Шекспира пьеса начинается с переключки сторожей в Эльсиноре. Сумароков начинает «с места в карьер». Гамлет выходит на сцену и произносит монолог, в котором рассказывает о своей любви к Офелии, мешающей ему сосредоточиться на мести Клавдию.

Смутился дух во мне. О ночь! о страшный сон!
Ступайте из ума любезны взоры вон!
Наполни яростью, о сердце! нежны мысли,

И днесь между врагов Офелию мне числи!
Офелию – увы! едино имя то
Преображает все намеренье в ничто,
И нудит, во уме загладить ужас ночи.
Что ж зделают потом ея драгие очи!
О долг! преодолей любовь и красоту,
Остави щастливым приятну суету!
Отрыгни мне теперь тиранов гнусных злоба,
Свирепство к должности, на жертву к месту гроба,
Где Царь мой и отец себе отмщенья ждет!
Он совести моей покою не дает:
Я слышу глас ево, и в ребрах вижу рану:
О сын мой! вопиет, отмсти, отмсти тирану!
И свободи граждан.

Дело в том, что и в руках самого Сумарокова не было оригинальной пьесы. Он пользовался французским прозаическим переводом, сам вносил в пьесу некоторые изменения, и в 1750 году она была поставлена Императорским театром в Петербурге.

* * *

Несколькими месяцами раньше, в конце 1749 года, на Святках, кадеты решили поставить «Хорева» у себя в корпусе. Возможно, их привлек патриотический сюжет пьесы, рассказывающей историю двух братьев – легендарного князя

Кия, давшего имя Киеву, и его младшего брата – полководца Хорева. Хорев влюблен в Аснельду, дочь прежнего князя Завалоха, изгнанного Кием. Хорев и Аснельда хотят пожениться и таким образом примирить давних врагов. Но так как у трагедии не может быть счастливого конца, их замысел разрушает подозрительность Кия. Обвиненная им, Аснельда принимает яд, а безутешный Хорев закаляется.

Спектакль повторили во дворце, и с тех пор кадеты стали часто играть русские пьесы при дворе. Сумароков принимал в этих постановках активное участие.

В 1756 году он становится директором первого постоянного Русского театра, для которого из Ярославля выписали труппу, организованную молодым ярославским купцом Федором Григорьевичем Волковым. Сумароков и Волков быстро подружились, ярославец старался учиться у столичного драматурга. Много лет Сумароков писал для театра пьесы: трагедии «Хорев» (1748), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Аристана» (1750), «Семира» (1751) и двадцать комедий.

Русский зритель впервые увидал на сцене не только римлян в белых тогах, не только варварских царей из экзотических стран, но и персонажей своей истории – киевских князей Кия и Хорева, новгородских князей Синеуса и Трувора. Хотя персонажи эти были мифическими, они убеждали зрителя в том, что не только в Европе кипели страсти, не только европейцы демонстрировали высоту духа и героизм. Из де-

вяти трагедий Сумарокова действие только двух происходит не в России: «Гамлет» – в Дании и «Аристона» – в Персии.

Замечу, что Сумароков часто отступал от классических канонов трагедии, сложившихся еще в Древней Греции, в самом деле, только две из его трагедий («Хорев» и «Синав и Трувор») оканчиваются смертью героев. Все остальные имеют счастливый конец: добродетель вознаграждена, и счастливые влюбленные, доказавшие свое благородство, стойкость и верность высоким моральным принципам, идут к алтарю. Да-да! И у «Гамлета» тоже счастливый конец! Влюбленной паре приносят весть о самоубийстве взятого под арест Полония, и пьеса заканчивается словами Офелии:

Я все исполнила, что дочери надлежало:
Ты само небо днесь Полонья покарало!
Ты, Боже мой! ему был долготерпелив!
Я чту судьбы твои! твой гнев есть справедлив!
Ступай мой Князь во храм, яви себя в народе,
А я пойду отдать последний долг природе.

Если в своих трагедиях Сумароков вознаграждал добродетель, то в комедиях он с удовольствием бичует порок, представляя зрителям целую галерею отрицательных персонажей с «говорящими» именами. Это и жадные дворяне-жулики Чужехват («Опекун») и Кащей («Лихоимец»), клеветник Герострат («Ядовитый»), самовлюбленный щеголь Нарцисс («Нарцисс»).

Также Сумароков сотрудничал с журналом «Ежемесячные сочинения», сам издавал журнал «Трудолюбивая пчела». «Ежемесячные сочинения» выходили с 1755 года под редакцией академика Г. Ф. Миллера. Это был тот период, когда единственный литературный журнал, издававшийся под эгидой Академии наук, занимался как пропагандой и популяризацией научно-технических достижений, так и публикацией прозаических и поэтических произведений. Здесь же по рекомендации Сумарокова печатались произведения его товарищей по Пажескому корпусу: Хераскова, Нарышкина, Нартова, Ржевского, Елагина.

«Трудолюбивая пчела» – первый журнал в России, издававшийся одним лицом. И снова Сумароков печатал в нем как свои произведения, так и тексты друзей и единомышленников. Также он публиковал свои басни, эпиграммы и статьи в журнале Шляхетского кадетского корпуса «Праздное время в пользу употребленное».

В 1761 году Сумароков потерял управление театром. Он попытался сделать чисто литературную карьеру, выпустил несколько сборников басен и стихов и спустя восемь лет переселился в Москву. Там в 1768–1774 годах он принимает участие в организации Московского театра и снова пишет для него пьесы – трагедии «Ярополк и Димиза» (1758), «Вышеслав» (1768), «Дмитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774).

Конец жизни Сумарокова был печален. Он рассорился со

всей своей родней, разорился, его мучили долги. Первый брак оказался неудачным, и Сумароков расстался с женой. Позже он влюбился в свою крепостную, дал девушке вольную и женился на ней, что вызвало поток сплетен и всеобщее осуждение. Родственники первой жены начали процесс против него, требуя лишения прав его детей от второго брака. Процесс длился долго. Дело дошло до Сената, который вынес решение в пользу Сумарокова. Однако судебная тяжба отняла последние сбережения, и, когда Александр Петрович умер в 1777 году, не осталось даже денег на похороны. Гроб Сумарокова несли на руках до кладбища актеры Московского театра. Кроме них, провожали прах поэта только два человека.

Екатерина II – посеявшая ветер и пожавшая бурю

В конце XVIII века литературная жизнь в Петербурге, да и по всей России, начинает бить ключом. Русские дворяне, получившие европейское образование, уже не диковинка, обыденное явление. За 25 лет, с 1776 по 1800 год, выходит почти втрое больше книг, чем за 50 лет до того (с 1725 по 1775 год). А именно около 6500 книг. И это не считая церковных изданий, газет и журналов.

В России начинают переводить произведения французских просветителей: Вольтера, Руссо, Дидро, Гельвеция, Рейналя, Мабли и др. Среди переводчиков мы видим имена крупнейших российских писателей того времени: Сумарокова, Богдановича, Хераскова, Княжнина, Фонвизина.

Екатерина II

Дидро приезжает в Петербург по приглашению Екатерины II. Он поселился в доме на Исаакиевской площади (современный адрес – Исаакиевская пл., 9), где прожил пять месяцев, почти постоянно общаясь с императрицей, и уехал, рассыпаясь в комплиментах просвещенной государыне, которые, впрочем, звучали не совсем искренне. Екатерина позже вспоминала об этих встречах: «Я долго с ним беседовала, но более из любопытства, чем с пользою. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить это несбыточными мечтами». Дидро же заметил как-то, что в Екатерине «душа Брута».

С Вольтером императрица переписывается; некоторое время старого философа тешит мысль стать наставником государыни (он назвал ее Прекрасная Като), но позже он охладевает к этой идее.

Исаакиевская пл., 9

Екатерина между тем среди государственных трудов находила время и для литературной деятельности. Она перевела с французского «Велизария» Мармонтеля. Книгу лично прислал ей автор – просветитель и сотрудник «Энциклопедии», в ней в художественной и популярной форме излагалось учение французских просветителей о государстве. Екатерина собственноручно написала несколько комедий («О время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьею» и т. д.), а кроме того, либретто опер («Февей», «Новгород-

ский богатырь Боеславич», «Храброй и смелой витязь Ахридеич», «Горе-Богатырь Косометович»). Она писала статьи, очерки и сказки для любимых внуков Александра и Константина. Писала на плохом русском языке, который мужественно исправлял ее секретарь, уже знакомый нам соученик Сумарокова и Хераскова Иван Перфильевич Елагин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.